

— В былые времена последний император династии Цзы, Хуан Цюань, внял речам алхимиков и затеял великое строительство, навлекая на себя народный гнев, но даже тогда не пожелал одуматься. В конце концов, в погоне за бессмертием для одного-единственного человека, он погубил целую империю, а вместе с ней вынужден был исчезнуть с лица земли и весь клан Хуан.

Цзяньэр тихо вздохнула, хотя ее взгляд, скользивший по лицу Фэн Цинцзя, был почти насмешливым.

— Если вдуматься, для императора нет ничего более желанного и недостижимого, чем эти два слова: вечная жизнь. Когда я впервые встретила вас, господин, вам было девятнадцать. В последний раз в Цанпине — двадцать три. Прошло десять лет с тех пор, как вы покинули имперскую столицу, значит, вам... должно быть тридцать два. Но вы ничуть не постарели. Если мой брат, занявший трон, узнает об этом... господин, вы готовы отвечать за последствия?

За окном стояла лунная ночь, и лишь заунывный, полный тоски голос ночного ветра не смолкал ни на миг.

Фэн Цинцзя сжала пальцы на шее Цзяньэр. Хватка была несильной, но вырваться из нее было невозможно. Девушка лишь слегка прикрыла глаза, сохраняя полное спокойствие. Мин Шусу не дрогнула, в ее глазах не было страха, лишь легкий блеск, когда она смотрела на гранатовый браслет из воска на запястье Фэн Цинцзя.

Раньше она его не видела. Украшение было наполнено глубоким цветом, теплое и сияющее. На каждой бусине была вырезана иероглиф Будда, выполненный изящным, женственным почерком. Браслет, обернутый вокруг запястья в три ряда, состоял ровно из ста восьми бусин — само совершенство. А предплечье, охваченное этим браслетом, было гладким и тонким.

— Владение сокровищем навлекает беду. Чем ты отличаешься от своего брата? Помочь тебе, чтобы потом, когда нужда отпадет, быть выброшенной, словно ненужный лук — нет, проще убить тебя прямо сейчас. А разговоры о бессмертии — не более чем небылицы. Если я захочу их подавить, то, разумеется, подавлю.

Фэн Цинцзя не поддавалась на ее слова. Ее глаза, ясные и глубокие, искрились едва заметной усмешкой, четко взвешивая все за и против.

— Господин, разве Цзяньэр может быть как все остальные? — Мин Шусу слегка потерлась подбородком о тыльную сторону ее ладони, уголки губ приподнялись в выражении, полном притворной обиды.

Видеть такую прелестную покорность — Фэн Цинцзя нашла это весьма приятным. Однако красота — это острый нож. Мин Шусу, разумеется, не каждому показывала себя с такой стороны.

— Как только весть об этом разлетится, под угрозой окажется жизнь всего клана Фэн. Кто в этом мире посмеет сказать, что не ценит свою жизнь? Тем более, что клан Фэн — один из Двенадцати кланов округов, издревле именуемый Наследием богов и демонов. Если у вас действительно есть некая особая природа, дарующая бессмертие, люди в это поверят. К тому же, пока вы, господин, рядом, это не будет лишь голословным слухом, который невозможно проверить.

— В те времена, если исключить исчезнувший клан Хуан и существующие лишь в легендах роды Яо, Ци и Тай, оставшиеся семь кланов, столкнувшись с угрозой, прежде всего постараются обезопасить себя. А затем — либо займут выжидательную позицию, либо ударят в спину, либо воспользуются хаосом, чтобы поживиться. При таких раскладах, даже если у старого мастера Фэн Дана есть тысячи способов, у него все равно не вырастет три головы и шесть рук, чтобы защитить каждого члена семьи Фэн.

Жестоко.

Фэн Цинцзя, чья рука лежала на краю кушетки, сжала пальцы, но тут же разжала их. Она слегка повернула голову, и контуры ее лица в лунном свете стали размытыми, словно она сама вот-вот готова была раствориться.

— И еще кое-что, — голос Мин Шусу дрогнул, но прозвучал уверенно. — Господин, вы ведь так сильно любите своих сородичей. Цзяньэр не повезло, я не была официально принята в число ваших учеников. Но за те три года, что вы провели во дворце, я была рядом и слушала ваши лекции, получив немало наставлений. В тот год, когда вы покинули Цанпин, я знала, что что-то случилось, и не надеялась, что вы придете на мою церемонию совершеннолетия, но вы... вы не пропустили ее.

Девять лет назад. Это был первый год после того, как Фэн Цинцзя уехала из столицы.

— Ты думаешь, я боюсь гибели клана и того, что мои руки будут в крови? Думаешь, меня связывают с тобой глубокие учительские чувства? Все это, безусловно, весомые аргументы, но мои отношения с семьей и вся эта чепуха про чувства между учителем и учеником — все это совсем не так, как ты себе представляешь.

Фэн Цинцзя не обернулась, лишь тихо рассмеялась. Ее голос звучал холодно, как пронзающая кость игла, полная насмешки.

— Помнишь, что я говорила тебе о том, что человеческая природа — это лишь два слова: эгоизм?

— Помню. Вы также говорили, что больше всего цените искренность.

Мин Шусу слегка дернулась, и Фэн Цинцзя, послушно разжав пальцы, отпустила ее. Девушка с трудом села, одарив ее ослепительной улыбкой.

— У меня в руках есть три условия, чтобы убедить вас: первое — пустые обещания, второе — угроза пойти на взаимное уничтожение, и третье... надежда на наши старые отношения. Но Цзяньэр понимает: даже обещание разделить со мной половину империи вас не прельстит. При моей нынешней слабости любая угроза покажется вам лишь детской забавой. Что же касается чувств — у вас холодное сердце и тонкие губы, вы даже не прислали весточку на похороны Цзы Жаня. Мои прошлые проступки настолько велики, что я не стою ни гроша. Я обдумывала все по пути сюда и поняла, что победа возможна лишь при одной фразе.

— Какой?

Фэн Цинцзя, глядя на такую уверенность, закусила губу, едва заметно улыбаясь. Надо же, как она выросла в своих речах. Время было милостиво к этой девушке, и это хорошо.

— Господин, вы хотите мне помочь.

Мин Шусу глубоко вздохнула, слегка сжала кулаки и, глядя из тени, сверкнула глазами, в которых таилась глубокая улыбка.

— Я знаю ваш характер. Чем безнадежнее выглядит дело, тем больше вам нравится за него браться. Ваш клан могущественен, вы с детства не знали нужды, драгоценности для вас были лишь обычными игрушками. В десять с лишним лет вы прославились в Цанпине, в девятнадцать были назначены наставником принцев, вошли во дворец — вы не нуждались в богатстве и славе. Когда мой старший брат Цзы Жань просил вашей руки, вы вежливо отказали. Дела любовные вас никогда не интересовали. Если в мире и есть что-то трудное... то в этих крайне неблагоприятных условиях превратить гниль в чудо, сменить династию и своими руками создать императора — разве это не достойная задача?

— О? — Фэн Цинцзя погладила буддийские четки на запястье и нахмурилась, выражая легкое неудовольствие. — Возможно, ты права, и у меня действительно были подобные безумные мысли. Я думала, что все в мире подвластно моей воле, и со временем мне стало казаться, что в этом нет никакого смысла. Но это было в юности. Теперь мне тридцать, и я понимаю, что десять из десяти дел не идут по плану. Я знаю, что покой — это благо, как для мира в целом, так и для меня самой.

Лицо Мин Шусу мгновенно побледнело. Это был явный отказ. Умение распознавать людей и управлять ими — то, что должно быть присуще каждому правителю. Мин Шусу считала себя более одаренной, чем ее братья, но сейчас она проиграла.

— Отдыхай, — Фэн Цинцзя вздохнула и успокаивающе улыбнулась. Ее манеры, как всегда, были безупречны.

Странно, ведь ничего не изменилось...

— Господин... — Мин Шусу заговорила, сдерживая дрожь в голосе. — Сегодняшняя мелодия

была прекрасна. Думаю, эти десять лет вы прожили в покое и радости.

Фэн Цинцзя уже дошла до двери и остановилась, но не обернулась. Она лишь прислушивалась к словам, не в силах понять, насмешка это или вздох.

— А я не могу позволить себе такую простую жизнь. Я не вы, я не могу отказаться от богатства и роскоши. Если я день не поем изысканных блюд, мой желудок начинает бунтовать. Если день не надену парчовые одежды, тело начинает зудеть. Если день не увижу прекрасных людей, мой дух увядает. Я не могу отказаться и от своих амбиций. Мой отец начинал с низов, объединял кланы, свергал императора, громил варваров и совершил великие подвиги. Сейчас мир кажется спокойным, но на деле ситуация опаснее, чем в военное время. Почему же я не могу воспользоваться моментом и совершить нечто великое? Я не могу смириться с тем, что было. Цзы Жань обладал средними способностями и слабым характером, его погубили интриги. Цзыжань решителен, но ему не хватает хитрости, его триумф будет недолгим, он не потянет на своих плечах наследие тысяч лет. Цзыюань ненавидит мирскую суету, слишком высокомерен, он ловок, но в лучшем случае лишь сохранит себя, это тоже не лучший выбор. И только я, Цзяньэр, знаю, что мой характер упрям, методы жестоки, а лицо, подобное весеннему цветку, скрывает сердце ядовитого скорпиона. Разве я не лучше всех подхожу для этого трона?

Фэн Цинцзя слышала, как та с каждой фразой говорит все более возбужденно, и в душе зародилась тревога. Бросив взгляд в сторону, она увидела, что бледное лицо Мин Шусу вновь налилось краской, на лбу выступили капли пота. Было ясно, что кровь ударила в голову, а в груди кипит гнев.

Мин Шусу, заметив ее взгляд, успокоилась и произнесла:

— Господин, Цзяньэр хочет эту империю, и Цзяньэр достойна этой империи.

Фэн Цинцзя стояла на месте, внезапно осознав, что одержимость в глазах этой девушки пугает. Совсем как тогда.

Ей было девятнадцать, когда она впервые вошла во дворец. Каждое утро она давала уроки Мин Цзыжаню и Цзыюаню, и по воле Мин Чжана жила в саду Хунъюань. Уроки игры на цине у Мин Шусу проходили как раз во время ее обеденного перерыва, а место для занятий находилось всего за стеной.

Играла она из рук вон плохо, ни одной верной ноты. И это — императорская дочь, чьими наставниками были лучшие мастера игры на цине! У нее не было других обязанностей, но она умудрялась играть так ужасно. Фэн Цинцзя, будучи тогда юной и нетерпеливой, не смогла вынести этого и, забыв о приличиях, тайком написала свои замечания и передала через слуг. Сразу после этого она пожалела. Если бы она довела принцессу до чего-то нехорошего, отец наверняка содрал бы с нее кожу.

Кто бы мог подумать, что на следующий день Мин Шусу, неясно какими путями, нашла лазейку и пробралась в сад Хунъюань. Ей было всего одиннадцать, она была одета в платье

дворцовой служанки и, завидев Фэн Цинцзя, тут же упала на колени.

— Давно слышана о вашей славе, я восхищаюсь вами и умоляю позволить мне слушать ваши уроки.

Услышав, как она к себе обращается, Фэн Цинцзя чуть сама не рухнула на колени. Третья принцесса — и в таком виде? Тогда-то Фэн Цинцзя и поняла, что Мин Шусу на самом деле играет вовсе не так плохо.

— Тот, кто слишком цепляется за желаемое, обязательно теряет. Ты ведь не можешь не понимать этой истины, к тому же твое здоровье так слабо, зачем же тебе... — пробормотала Фэн Цинцзя.

— Я хочу попытаться хотя бы раз, — Мин Шусу, заметив, что тон наставницы смягчился, решила воспользоваться моментом. — Господин, Цзяньэр готова принять любые ваши условия.

— Любые условия?

Фэн Цинцзя слегка взмахнула рукавом, быстро подошла к ней, нажала на несколько точек, уложила ее на кровать и бережно укрыла одеялом. Увидев, что лицо девушки разгладилось, а в глазах появилась дремота, она сначала облегченно вздохнула, а затем добавила:

— Твою жизнь спасла я, знаниям тебя научила я. Что же ты можешь вернуть мне?

— Вернуть... — Мин Шусу ухватила за ее рукав, прикусила губу, ее взгляд замерцал. — Сейчас я не могу, поэтому господин должен быть рядом с Цзяньэр и присматривать за ней.

Фэн Цинцзя почувствовала аромат, исходящий от нее, и, понимая, что расстояние слишком мало, поспешно отступила. Размышляя над ее словами, она сама не заметила, как покраснела.

— Господин, чьи это руки... переодели меня? — Мин Шусу пробормотала это сквозь зубы. — Я непременно должна вцепиться ей в горло.

Фэн Цинцзя поспешно ретировалась. Мин Шусу, одержав полную победу, пребывала в прекрасном настроении и вскоре погрузилась в сон. Ван Цзи, услышав посреди ночи шорох в коридоре, зевнула, перевернулась на другой бок и мысленно успокоилась. Раз ее не съели демоны, значит, сестрица Цинцзя все еще знает, что к чему.